

В. Н. СТОРОЖЕВ

**Император Александр I
и русский правительственный либерализм
начала XIX века**

<Фрагмент>

<...> Александр вступил на престол 12 марта 1801 г. на 24-м году своей жизни; он прошел в совершенстве дворцовую школу XVIII в. и гатчинскую выправку. Царь Александр родился в Петербурге, долго жил среди немецких и интернациональных впечатлений; он не имел ни возможности, ни охоты изучить Россию и русских и навсегда сохранил о последних воззрения довольно отрицательные. Царь был отличный дипломат, умел не теряться при всяких обстоятельствах, умел пользоваться людьми в своих исключительно интересах; он любил и обожал свое собственное «Я», охранял его всеми способами, которыми только можно было; от бабушки он перенял страсть к блеску, от деда — увлечение военщиной; от отца перешло к нему незаметное для современников свойство: никто не мог положиться на него безнаказанно и бесконечно. Кажется, только один граф Аракчеев чувал это последнее свойство и до конца скрывал от Александра свою душу, не переставая льстить безумно и недостойно унижаться, несмотря на все милости. У Александра не было и тени сколько-нибудь прочного элементарного научного образования; у него не было ни времени, ни желания что-нибудь изучить серьезно; люди, общество, государство существовали или должны были существовать только для него или ради него. Жить без славы и без блеска, жить без всеобщего преклонения, поклонения и дифирамбов было для него непонятно и не нужно. Ради них все приносилось в жертву. Никакого личного укола он не переносил, а ради апофеоза «Я» и его сохранения Александр мог идти на уступки и скрывать свою ненависть к лицам под маской очаровательной улыбки.

Молодые люди и женщины были от него без ума. Царь любил красоту и внешний порядок. Надо, чтобы жизнь была красивой,

чтобы красива была вся обстановка, надо безудержно смести с дороги все, что могло нарушить эту красоту. При вступлении на престол Александр отнюдь не был неопытным, не установившимся в своих воззрениях молодым человеком. Царь Александр был неизменно горд, отличался удивительно блестящим в известных пределах умом, был художником в уменье строить свою жизнь. О нем нельзя сказать, чтобы он чувствовал когда-нибудь биение общественного пульса, но он всегда умел и мог приостановиться, когда замечал в обществе громаду физической силы, могущей его раздавить. Он умел не столько выбирать людей, сколько пользоваться ими; используя, он начинал тяготиться и отбрасывать от себя ненужный материал смело и с достоинством. Он не выносил никаких проявлений внешней несогласованности действий и порядка; преследовал за это неумолимо и бесконечно, доходя до невероятной щепетильности и мелочности. В достижении поставленной цели он был упорен, как никто; его нельзя было остановить какими-либо соображениями; его воля представлялась ему божественной силой, пред которой должно было присмиреть все. Он так и умер, не признав всей тщеты затеи военных поселений, на которой сгубил окончательно остатки своей репутации граф Аракчеев. Александр чувствовал к толпе горделивое отвращение, к возражениям знати — крайнее презрение и болезненно развитое обожание своих прерогатив. Признавая вначале известную сумму необходимой со своей стороны деятельности в сфере государственного управления и устройства, он позднее уже не считал этого своей неременной обязанностью и сумел главную массу государственной работы перенести на Аракчеева, который закрыл своей фигурой царя и вынес на своих плечах все удары неблагодарного населения. Аракчеев сыграл и другую роль. Пережив своего «батюшку» и «благодетеля», он продолжал нести на себе грехи Александра, которые только в новейшей историографии получают надлежащее освещение. До самого последнего момента несколько более свободного научного исследования на Аракчеева лишь нападали, а Александра безудержно славословили или причисляли к разряду неразгаданных натур. Нельзя не признать, что положение царя Александра в начале XIX в. было не из легких, тем не менее он сумел удержаться на престоле и проявил немало такта, ловкости и лукавства в сношениях со множеством лиц, его окружавших. А. С. Пушкин заметил в своих записках, что царь первое время «был окружен убийцами своего отца» и что он «должен был терпеть и прощать». Пушкин прав, что царь «должен был терпеть», и царь прекрасно умел терпеть, пока то было необходимо; до нас не дошло, к сожалению, документов, чтобы в то же время Александр умел

и прощать. Александр должен был соблюдать наружное спокойствие, полное самообладание, такт. Правда, князь В. М. Яшвиль¹ был удален к себе в деревню с воспрещением появляться в обеих столицах, но он никогда не был прощен, а так и умер у себя в деревне. Фельдмаршал Кутузов поручил один отряд, сформированный большею частью из ополчения, князю Яшвилю. Когда об этом узнал царь, он собственноручно и немедленно, в опасные дни 1812 года, написал фельдмаршалу выговор: «С крайним удивлением увидел я из одного из рапортов ваших, что вы употребили на службу находящегося в ссылке известного Яшвиля, невзирая на донесение, которым губернатор известил вас, что он под присмотром. Вы сами себе приписали право, которое я один имею, что поставляю вам на замечание, предписываю немедленно послать Яшвиля сменить и отправить его в Симбирск под строгий надзор к губернатору». Посылая эту бумагу для направления по адресу графу Аракчееву, царь написал карандашом на обложке: «Какое канальство!» В книге великого князя Николая Михайловича (стр. 16–18) высказано предположение, что князь Яшвиль навлек на себя опалу государя своим вызывающим письмом к последнему; это письмо — живой показатель того, при каких условиях произошло вступление царя на престол и до чего могли доходить некоторые из членов заговора 1801 г. По словам великого князя Николая Михайловича (стр. 17), Яшвиль, между прочим, писал: «Бог правды знает, что наши руки обогрелись кровью не из корысти. Пусть жертва не бесполезна. Поймите ваше великое призвание: будьте на престоле, если возможно, честным человеком и русским гражданином! Поймите, что для отчаяния есть всегда средство, и не доводите отечество до гибели. Человек, который жертвует жизнью для России, вправе вам это сказать». Если можно еще представить себе письмо впавшего в экзальтацию князя Яшвиля, то какой бестактностью отдает от письма Лагарпа, очевидно, не сумевшего понять ни умоначертания, ни психологии своего воспитанника. Лагарп в письме от 30 октября 1801 года говорит царю о необходимости суда над участниками злодеяния. “L’assassinat d’un Empereur au milieu de son palais, dans le sein de sa famille, ne peut demeurer impuni sans fouler aux pieds les lois divines et humaines, sans compromettre la dignité impériale, sans exposer la nation à devenir la proie des mécontents assez audacieux pour se venger du monarque, disposer de son trône et forcer son successeur à leur accorder l’impunité”. («Убийство императора посреди его дворца, в лоне его семьи, нельзя оставить безнаказанным, не поправ законы божеские и человеческие, не скомпрометировав достоинство императора, не позволив нации стать добычей опасных смутьянов,

способных мстить монарху, свегнуть его с трона и принудить его преемника даровать им безнаказанность»). Александр прочитал это письмо, не мог не признать отвлеченной правоты утверждений Лагарпа, но не пошел по опасному для него пути советов пылкого швейцарского гражданина. Тем не менее подобного рода послания не могли не быть тяжелыми психологическими ударами для Александра, и даже сохранение внешнего самообладания могло быть моментами крайне затруднено. Царь получал, однако, послания, которые соответствовали ходячим тогда представлениям о его либерализме. В данном случае в Александре многие современники видели лишь то, что им хотелось видеть, но провозглашать его каким-то официальным глашатаем либерализма в России по меньшей мере неосторожно. <...>

